

Нежданно-негаданно хлынул ливень. На всех парах примчавшиеся домой Чанся и Чэнь Чжи бросили бамбуковые корзины и принялись споро затаскивать циновки со сменяющимся годжи прямо с открытого двора в главный зал.

К великому счастью, бежали они по тропе во всю прыть, оттого земля еще не успела окончательно размокнуть, и ягоды убрали как раз вовремя, не дав им сильно напитаться дождевой влагой.

Крупные капли быстро слились в сплошные струи, а после ливень сменился мелкой сеточкой, и стоило ветру налететь сильнее, как пелена дождя пошла косой стеной.

Остальные домочадцы дома Пэй тоже один за другим потянулись в ворота.

Те, кто успел до нитки промочить голову да одежду, поспешно принялись утираться и переодеваться в сухое, ведь коли оставить мокрую ткань липнуть к телу, мало того, что наживешь сплошное неудобство, так еще и простуду подхватить недолго.

Чэнь Чжи крикнул Пэй Яо, чтобы тот скорее шел менять платье, добавив:

— Это тебе не лето, с осенью шутки плохи.

В этой туче уже явственно сквозила унылая осенняя прохлада.

Смена времен года всегда наступает внезапно: еще до полудня вовсю сияло солнце и стояла изрядная теплынь, но стоило небу нахмуриться, как налетевший ледяной ветер принес с собой первое уныние ранней осени.

Пэй Яо воротился позже всех: он уходил далеко к подножию горы, дабы выпустить ослов на пастбище. Пока две скотины мирно щипали траву, сам парень неподалеку косил зелень для свиней.

Едва заметив, как небо заволокли черные грозовые тучи, он крепко связал две бамбуковые корзины веревкой, навьючил их на спину сильного осла и, ведя скотину под уздцы, во весь дух припустил к дому. И всё же на полпути его знатно посеколо дождем.

Вернувшись, ему пришлось сперва бежать на задний двор, чтобы снять поклажу да привязать ослов, отчего плечи его промокли до самой нитки.

Он лениво взъерошил волосы полотенцем, не желая идти переодеваться, — подумаешь, обычный дождь, на нем самом всё высохнет в один миг.

Однако Чэнь Чжи продолжал настойчиво ворчать, так что Пэй Яо волей-неволей пришлось раскрыть зонт и перебежать через двор в восточный флигель, чтобы сменить мокрое платье.

Под навесом у порога глиняный очаг успел совсем погаснуть. Чанся занёс очаг и чайник внутрь дома, после чего выудил из разжигательного мешка, что стоял в углу у порога, добрую горсть пушистого сухого трута, выложил его поверх соломы и принялся высекать искру кремнем.

Яркий огонек лизнул трут, пламя перекинулось на ржаную солому, и юноша, подхватив эту пушистую вязанку, перевернул её горящим концом вниз — в то же мгновение огненные языки взметнулись ввысь, и пламя разгорелось в полную силу.

Только тогда он бережно протолкнул горящую солому вглубь топки, и потухшие было поленья вновь дружно охватило огнем.

Налив в чайник свежей воды, он дождался, пока она закипит ключом, и заварил крепкий чай. Теперь всё семейство рядышком сидело в главном зале, переводя дух и прихлебывая горячий напиток.

Старый желтый пес и белый Сяо Бай улеглись прямо у порога. Хвост у белого пса был крупным и на диво пушистым; устроившись на полу, он поудобнее устроил морду на передних лапах и лишь изредка лениво помахивал кончиком хвоста, выражая полное довольство жизнью — со стороны казалось, будто псу живется куда привольнее, чем людям.

За тихой домашней беседой, дабы не сидеть сложа руки, Чэнь Чжи достал из сундука иголку с нитками и устроился у самой двери, где было посветлее, принимаясь за шитье. На днях он как раз распорол и выстирал старую ватную куртку; вата внутри совсем истончилась, так что теперь надобно было подложить свежего хлопка, чтобы зимой одежда лучше удерживала тепло.

Доу Цзиньхуа потерла друг о друга сухие мозолистые ладони, вынесла из комнаты большую заготовку из многослойной проклеенной ткани-цзибэй и, приложив к ней деревянную колодку, принялась по контуру вырезать прочную подошву для обуви.

Пэй Цзаоань, заметив, что серп Пэй Яо знатно затупился, прихватил брусок, уселся на корточки прямо под навесом у порога и, то и дело плеская на камень колодезную воду, принялся усердно править лезвие.

Съев пару кусочков рисовой лепешки, Пэй Юва тоже поднялся с места. Он вытащил из комнаты старый обеденный стол, прихватил молоток да пригоршню железных гвоздей и со стуком принялся ладить шатающуюся ножку.

Старшие вовсю трудились, но и Чанся с Пэй Яо без дела не сидели.

Пэй Яо устроился на деревянном стуле: в руках он держал гладкий брусок дерева и маленьким круглым долотом увлеченно выковыривал сердцевину, отчего на пол нескончаемым потоком сыпались мелкие щепки да стружка.

Вот только сегодня парень был явно сам не свой: он то и дело украдкой бросал взгляд на Чанся, и в лице его сквозило крайнее замешательство.

Чанся же выудил из швейной корзинки Чэнь Чжи недошитую подошву — это была заготовка для сапог самого Пэй Яо, — примостился у косяка и принялся споро орудовать шилом.

За окном мелко и густо сеял дождь. В нем не было той летней грозовой мощи и буйного восторга; холодный ветер то и дело налетал порывами, швыряя ледяные капли прямо в открытую дверь комнаты.

В такие дни темнело рано, никакой другой работы по дому делать было нельзя, так что вся деревня Ваньэр отошла ко сну задолго до привычного часа.

Снаружи всё потонуло в сырой серой дымке, зато в доме было сухо, тепло и уютно.

Чанся расстелил постель на кане; тюфяк оказался на диво мягким, а лоскутное одеяло — плотным и тяжелым, так что, едва опустив голову на подушку, он ощутил неизъяснимый покой.

Хлопок в хозяйстве был свой, тратиться на него не приходилось, так что Чэнь Чжи сырьё не жалел, и у каждого члена семьи имелось по доброму теплому одеялу.

А за стенами усадьбы заунывно плакал осенний дождь, крупные капли со стуком — «Па-да, па-да» — срывались со стрехи, убаюкивая юношу, который вскоре сладко уснул в своем теплом гнездышке.

В восточном флигеле.

Пэй Яо ворочался с боку на бок, и на душе у него по-прежнему скребли кошки.

В тот день на горе он не сдержался и сгоряча сорвал на Чанся злость, а теперь чувствовал себя из-за этого крайне неловко.

Чанся ведь по натуре сущий молчун, из него слова клещами не вытянешь. В обычные дни, как перед ним ни пляши, он и улыбкой-то не одарит, глупый да недогадливый, куда уж ему до ответных ссор? С его-то заячьей душой только и оставалось, что со страхом держаться от греха подальше, он ведь даже закричать или отругать в ответ не посмеет.

Но чтобы он сам, Пэй Яо, пошел к приемышу на поклон, склонил голову да повинулся...

От одной этой мысли парня бросало в дрожь от неловкости, язык бы просто не повернулся такое вымолвить.

Прежде ему тоже случалось кричать на Чанся в сердцах, но проходило немного времени, обида забывалась сама собой, и никто о ней больше не поминал.

А в этот раз, видит бог, с чего-то вдруг этот случай засел у него в мыслях камнем и никак не шел из головы.

*

После затяжного дождя небо наконец прояснилось, и над верхушками лесных деревьев раскинулась яркая семицветная дуга радуги — зрелище было поистине дивное.

Пэй Яо аккуратно провел подушечкой большого пальца по лезвию серпа — старик потрудился на славу, металл блестел и стал острым как новый.

Он ухватил сочную охапку свиной травы и одним взмахом срезал её под корень; не прошло и четверти часа, как корзина за его спиной была набита доверху.

Парень посильнее примял зелень ладонями, освобождая сверху еще немного места.

Лишь когда корзина превратилась в плотный, тяжелый тюк, Пэй Яо закинул лямки за плечи и направился к реке искать Чанся.

Чанся в это время увлеченно дергал дикий портулак. У самой кромки воды также в изобилии росли полынь и одуванчики — всё это годилось в корм домашней птице и скоту.

Его собственный короб тоже почти наполнился. Услышав шаги, юноша невольно вскинул голову и, увидев названного брата, промолчал, лишь руки его продолжили споро рвать траву.

Пэй Яо тоже решительно не знал, с чего начать разговор, оттого хранил угрюмое молчание. Он просто взялся за серп, принялся споро косить полынь и охапками подбрасывать её в корзину

Чанся.

В нежном детстве Пэй Яо, завидев пригожих деревенских девчат или шуаньэров, без утайки звал их сестрицами да братцами и всюду нахваливал их красоту.

Но то дела давно минувших дней.

С тех пор как он вошел в пору возмужания, из его уст никто больше не слышал ни единого ласкового или сладкого слова.

Что сходит с рук малому дитя, то в устах шестнадцатилетнего подростка легко сочтут за срам и непотребство — парень прекрасно это понимал.

С Чанся он подобных речей отродясь не вел — в конце концов, прежде они общались совершенно просто, без всяких там нежностей и затей, по-будничному.

Когда корзина наполнилась до краев, парни не стали сразу взваливать ношу на плечи, а устроились неподалеку на отдых.

Чанся примостился на гладком белом валуне и, подобрав с земли острую щепку, принялся счищать с подошв налипшую влажную грязь.

Вчерашний ливень миновал, и сегодняшнее солнце припекало уже не так нещадно.

Вот только всякий раз после сильного дождя крестьянский труд превращался в сущее мучение: мало того, что все травинки до единой покрыты холодной росой, так еще и к сапогам липнет тяжелая болотная жижа. Приходилось то и дело останавливаться да соскабливать её, иначе грязь нарастала слоями, подошва становилась толстой, отчего человек хоть и казался чуточку выше ростом, но ходить было неудобно и тяжело.

Пэй Яо стоял чуть поодаль у кромки воды. Подбирая плоские круглые голыши, он один за другим запускал их по зеркальной глади реки, считая водяные круги — пускал блинчики.

Они выходили на луг за травой уже в третий раз за день. С малых лет деля труды, парни отлично понимали друг друга без слов: коли косьба затягивалась, они всегда устраивали небольшой привал, немного дурачились и лишь затем спешили к родному порогу.

Очистив обувь, Чанся отбросил щепку в сторону, украдкой глянул на Пэй Яо, что забавлялся у воды, и запрокинул голову к небу.

Небесный свод сиял чистой лазурью, а где-то в вышине плавно парили дикие птицы.

Солнечные лучи ласково грели спину, без прежнего летнего зноя — дышалось куда привольнее, чем в душном июле.

Легкий ветерок приносил бодрящую прохладу; он ласкал щеки, целовал мочки ушей, играл подолом холщового халата и трепал выбившиеся из пучка пряди волос.

Не нужно было ни говорить, ни гнуть спину в работе. Чанся завороченно смотрел вдаль, уходя мыслями в какую-то свою неведомую думу.

Внезапно налетевший сбоку ветерок стих.

Рядом отчетливо повеяло чужим, брыжущим молодой силой жаром, и Чанся невольно

повернул голову.

Пэй Яо стоял всего в паре шагов от него. Протянув вперед ладонь, он негромко промолвил:

— На, держи.

В кулаке он сжимал добрый пучок корней дикого камыша, уже чисто отмытых в речной воде.

Деревенским детям, которые с утра до ночи гнули спину на домашних работах, разносолов видеть не приходилось. Оттого в часы косябы на дальних склонах найти спелую лесную ягоду или выковырять горсть сладких, сочных корешков да посмаковать их всласть — было едва ли не самой большой радостью за весь день.

Чанся принял подношение, немного подумал и отломил ровно половину обратно Пэй Яо.

Он не проронил ни слова, но Пэй Яо, судя по всему, остался премного доволен — его плотно сжатые губы тронула едва заметная, мягкая ухмылка.

— Сладко? — поинтересовался парень.

Чанся перестал жевать, замер на миг и кротко кивнул:

— Угу.

Было видно невооруженным глазом, как сурово сведенные брови стоявшего рядом юноши разом расправились, в уголках глаз заиграли веселые искорки, и всё его ладное, пригожее лицо утратило былую колючую суровость.

Пэй Яо вертел в зубах сладкий корешок, но жевать не спешил.

Он долго колебался, прежде чем наконец решился разжать зубы, и со странной, натянутой миной, отчаянно мешаясь от неловкости, выдал из себя:

— Ну... в тот день на горе... я это... не со зла в общем.

Чанся вскинул на него чистый взгляд, полный искреннего недоумения.

Увидев, что приемыш решительно не понимает, о чем речь, ладное лицо Пэй Яо переменялось в цвете несколько раз.

«Надо же! Я тут, понимаешь, несколько дней места себе не находил а этот недотепа даже значения не придал! И ради чего я тогда терзался, спрашивается? Всё боялся, что у него на сердце обида ляжет... Тьфу, пустые хлопоты!»

Он немного перевел дух и попытался направить его мысли в нужное русло:

— Ну, когда мы на гору за годжи ходили.

Тут до Чанся наконец дошло.

Раз уж слово было замолвлено, Пэй Яо кривить душой не стал и выложил всё начистоту:

— Не со зла я тогда на тебя прикрикнул.

Вот только, договорив, он поспешно отвернулся, а мочки его ушей залил густой румянец.

Ему впервой доводилось склонять голову перед приемамшем да говорить ласковые слова, оттого на душе было крайне неловко.

— Я знаю, — тихонько отозвался Чанся.

Он чуть наклонил голову набок, искренне не понимая, с чего вдруг названный брат вздумал оправдываться.

Крутой нрав Пэй Яо в доме знали все от мала до велика: парень никогда не держал на людей тайной злобы, просто коли вскипала в нем кровь — он мог походить пару часов с ледяным лицом да волком зыркать, но бранных слов из него никто не слышал. А стоило гневу утихнуть — и снова становился прежним, зла в душе не затаив.

Видя, что его не винят, Пэй Яо немного воспрянул духом.

Но наткнувшись на этот непонимающий, чистый взгляд Чанся, он сердито прикусил изнутри щеку, чувствуя, как в нем закипает глухое раздражение — «Вот ведь недогадливый, и зачем только я распинаюсь!»

Коли парень сам до такой простой вещи додуматься не может, бог весть, какие мысли вообще в его глупой голове роятся.

Впрочем, если бы его самого спросили, с какого перепугу он так испугался обидеть Чанся, Пэй Яо и сам бы не нашелся что ответить.

Он с силой потер пальцами висок, решив более не забивать голову всякой чепухой, и как ни в чем не бывало, с самым грозным видом заявил:

— Короче говоря! Коли я и сорвусь на тебя когда — моей вины в том точно нет. Ты лучше сам сядь да раскинь умом: не натворил ли чего такого, отчего я в гнев вошел? Не разозлил ли меня часом?

Чанся от таких речей едва собственным ушам не поверил. Он так и замер с приоткрытым ртом, во все глаза уставившись на названного брата.

На сердце у него вмиг сделалось тоскливо-тоскливо: он ведь отродясь Пэй Яо поперек дороги не вставал, с чего бы тому на него злиться?

Сам ведь обладает крутым нравом, из-за пустяка готов на стену лезть, а вину на другого валит!

Но высказать обиду вслух Чанся не посмел, лишь поглубже спрятал её в душе, мысленно погоревав о своей доле.

Пэй Яо же упер руки в бока и принялся без утайки вываливать всё, что наболело на сердце:

— Я тебе и косить помогаю, и корзины тяжелые таскаю — так что ты мне за это приветливым лицом платить должен! Хватит вечно ходить со смурным да напуганным видом. Говорить не любишь — так молчи, бог с тобой, но улыбнуться-то хоть разок от тебя не убудет?

Чанся лишь головой покачал — «Ну и чепуху парень городит!»

Заметив, что от его речей брови Чанся сошлись на переносице, а лоб прорезала горькая

складка, да так, что даже красивая алая метка шуаньэра оказалась зажата посередине, Пэй Йо осекся.

В душе парня шевельнулась досада: «Вот ведь упрямец! Чем больше я ему толкую, тем больше он хмурится, скоро и вовсе разучится губы кривить».

Он опустил руки, собираясь развернуться и уйти прочь, но в последний миг ноги его словно к земле приросли. Парень резко обернулся и с самым грозным видом протянул руку, намертво прижав Чанся за левое плечо.

В ту же секунду губ юноши коснулось мимолетное тепло, а следом жаркий поцелуй запечатлелся прямо меж его бровей.

Чанся не на шутку перепугался и со всей силы оттолкнул от себя наглеца.

Пэй Йо отлетел на пару шагов назад, но зато на сердце у него наконец-то полегчало, словно он выплеснул всю скопившуюся досаду. Парень задорно вскинул брови и самодовольно ухмыльнулся, довольный своим поступкам.

Чанся испуганно заозирался по сторонам — к великому счастью, на берегу реки не было ни души.

— Ты...

Не успел он вымолвить и слова, как Пэй Йо бесцеремонно оборвал его:

— Сам виноват, нечего было меня злить! Да не бойся ты так, знаю я, если мы на людях, лишнего себе не позволю.

Чанся оставалось лишь смириться со своей участью. И пускай он был на целых три года старше этого сорванца, сладу с Пэй Йо у него не было никакого — парень его и в грош не ставил и слушаться не желал.

Пэй Йо споро подхватил с земли корзину Чанся, закинул её на плечи, после чего поднял свой собственный короб, а серп протянул приемешу.

Юноша принял инструмент и, сделав пару шагов следом, всё же решил проявить твердость да проучить неслуха.

Он со всей серьезностью промолвил:

— Коли ты еще хоть раз такое сотворишь — я... я всё папе расскажу!

Услышав в его голосе прежнюю робость — «Ишь ты, сейчас папе пожаловаться не смеет, стало быть, и в следующий раз не посмеет!» — Пэй Йо лишь небрежно отмахнулся:

— Ладно, ладно, понял я. Давай считать, что этот раз был не в счет!